

Мая Горделис

Няня для
БОССА
Не обещай любовь

18+

Тая Горделис

Няня для босса. Не обещай любовь

«Автор»

2026

Горделис Т.

Няня для босса. Не обещай любовь / Т. Горделис — «Автор»,
2026

— Я ничего тебе не обещал, Тань. Ты же понимала, что между нами только секс? Муж изменил мне с той, которая смогла забеременеть. А я осталась с кредитом, разводом и уверенностью, что больше никому не нужна. Работа няни у богатого вдовца казалась спасением. Хорошая зарплата, чудесная девочка... и босс, в которого нельзя влюбляться...

© Горделис Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Тая Горделис

Няня для босса. Не обещай любовь

Глава 1

— Ты с ней спишь? — спросила Таня, когда Андрей вернулся домой, и по его растерянности поняла, что всё-таки не ошибалась. Пока ждала, ещё надеялась услышать какое-нибудь объяснение, за которое можно будет ухватиться и поверить, пусть даже не до конца.

Она увидела их днём возле кафе, куда они с мужем иногда заходили по выходным. Андрей целовал светловолосую женщину, а та держала его за воротник и смеялась, когда он пытался отстраниться. Таня даже издалека узнала его довольную улыбку и сначала по привычке обрадовалась, что встретила мужа, прежде чем заметила чужую женскую руку у него на шее.

До остановки она дошла, не чувствуя ног, и пропустила свой автобус, потому что не могла заставить себя войти. Потом вернулась к работе, дважды переделала один и тот же документ и написала Андрею, когда он будет дома, а он ответил, что задержится по делам, и прислал сердечко.

— Тань, давай без скандала. Я сейчас всё объясню, только ты сначала успокойся.

Он всё ещё стоял в прихожей с пакетом из магазина. Из него торчал батон, который она просила купить утром. Таня ненавидела себя за то, что заметила этот батон и сразу вспомнила, как собиралась сделать ему горячие бутерброды, чтобы поел, пока она будет разогревать ужин. В голове упорно продолжались обычные домашние приготовления, хотя хотелось закричать.

— Я тебя спросила, спишь ли ты с ней. Ответь мне, пожалуйста, и не рассказывай, что я должна сделать сначала.

— Да, сплю! Что ты хочешь услышать ещё? — Андрей поставил пакет возле обувницы и заговорил уже с раздражением, которое Таня слишком хорошо знала по их последним ссорам. — Я не планировал, что так получится, и дома у нас в последнее время тоже всё было далеко не прекрасно!

Она готовилась к признанию с того самого кафе, но теперь стало трудно стоять. Таня села за кухонный стол и попыталась вспомнить, когда именно он перестал любить её: до той поездки за город, где они промокли и потом грелись в машине, или после? Когда она заболела и он ездил за лекарствами, уже была другая женщина или ещё нет? Хотелось спросить обо всём сразу, заставить его перечислить дни, в которые он возвращался к ней от любовницы, и одновременно не знать ни одного.

— Как давно? Неужели и это у нас получилось случайно, вместе с тем, что дома тебе стало плохо?

— Несколько месяцев, — признался он. — Я собирался прекратить, но всё время что-нибудь происходило, а потом стало сложно.

Таня вспомнила его недавнее недовольство: она слишком уставшая, слишком молчаливая, опять отказалась идти в гости. В тот вечер они поругались из-за денег, и она потом извинялась за испорченные выходные, а он великодушно соглашался, что нужно меньше нервничать и не принимать всё близко к сердцу. Пока она пыталась понять, как вернуть им прежние отношения, у него уже была женщина, которой хватало его внимания.

— Ты ведь ложился со мной в постель! — сказала Таня и почувствовала, как тошнота подступает к горлу. — Возвращался от неё, обнимал меня, спрашивал, что на ужин, и тебе нормально было?

— А что я должен был делать? Прийти и вывалить на тебя всё это? Ты и так постоянно расстроенная, тебе слова не скажи, сразу думаешь, что я тебя в чём-то обвиняю!

— Потому что ты обвинял! Стоило мне отказаться от очередных гостей, где меня начнут расспрашивать про детей, ты устраивал скандал, что я порчу тебе жизнь!

— Я говорил, что невозможно годами крутиться вокруг одной проблемы! Ты же даже разговаривать больше ни о чём не хотела, всё у тебя к этому сводилось!

Тане захотелось ударить его, чтобы он наконец замолчал. Она помнила, как после последнего обследования сидела в машине и не могла перестать плакать, а Андрей сердился, что они опоздают на встречу с его знакомыми. Тогда она решила, что он тоже переживает, только по-своему, и весь вечер старалась улыбаться, чтобы никто ничего не заметил.

Вернуть себе надежду после того приёма она так и не смогла. Врач не предлагала ещё подождать, сменить лечение или попробовать другой способ, и Таня поняла её с первого раза, хотя потом всё равно задавала одни и те же вопросы, цепляясь за возможность услышаться. Андрей выслушал её дома и сказал, что им хорошо вдвоём, а о детях можно больше не думать.

— Ты сказал, что мы справимся, — напонила она. — Я у тебя спросила, сможешь ли ты жить со мной, если ребёнка не будет никогда, и ты сказал, что сможешь...

— Я и сейчас с тобой живу! Тань, ну я же не ушёл, ты сама видишь, что я дома! Давай мы переживём этот вечер, а завтра поговорим нормально, потому что сейчас ты всё равно ничего не слышишь!

Он снял куртку и прошёл на кухню, собираясь сесть напротив, но Таня отодвинулась вместе со стулом. От его близости стало противно и больно. Ещё вчера ей хотелось прижаться к нему после работы, а теперь она боялась, что он дотронется, и придётся терпеть знакомые руки, которыми он обнимал другую.

— Я прекрасно тебя слышу, Андрей. Ты несколько месяцев мне изменяешь, но очень доволен, что пока не ушёл, и предлагаешь мне сегодня просто лечь спать!

— А что изменит, если мы до утра будем выяснять отношения? Я виноват, я это признаю, только ты тоже пойми, что у меня есть желания, есть потребности, и я не могу всё время жить с ощущением, что у нас ничего уже не будет!

Таня услышала в его словах то, чего боялась с самого начала разговора. В груди так заболело, что пришлось переждать, прежде чем спросить, а он уже потянулся к чайнику, как в любой другой вечер, и включил его, хотя она сидела рядом и едва сдерживала слёзы.

— Чего не будет? Ты имеешь в виду детей? Или тебе со мной уже и в постели было плохо, только сказать забыл?

— Не передёргивай, пожалуйста! С тобой всё нормально, но я тоже хочу ребёнка, и разве это такое преступление?

Он сказал это и замолчал, а Таня перестала слышать, как закипает вода. Теперь уже не получалось думать, что он завёл любовницу ради развлечения и сегодня оправдывается всем, что приходит в голову. В его ответе была подробность, которую он до сих пор не хотел сообщать, и Таня ненавидела себя за вопрос, который всё равно задала.

— Она... она беременна? Андрей, посмотри мне в глаза и скажи, она ждёт от тебя ребёнка?

— Да, — ответил он и потёр лоб. — Но я не собирался уходить, Тань, мы бы всё решили, если бы ты дала мне время.

Таня попыталась вдохнуть поглубже, но получилось судорожно, со всхлипом, и он немедленно придвинул ей стакан воды. Она не взяла его, потому что от этого заботливого движения захотелось опрокинуть на пол и стакан, и чайник, и всё, что они когда-то выбирали вместе для съёмной квартиры, в которой собирались прожить совсем недолго, пока не накопят на свою.

У другой женщины будет его ребёнок, и он уже знает об этом, уже успел обдумать, как устроить жизнь дальше. А Таня сегодня покупала ему любимый сыр и беспокоилась, что они опять почти не разговаривают, потому что оба слишком много работают. Ей было стыдно даже

за эту покупку, за каждую маленькую попытку позаботиться о нём, которую он принимал без всякого смущения.

— Что именно мы бы решили? Ты остался бы здесь, а к ней ходил в свободное время? Мне бы тоже предложил поучаствовать, когда тебе станет неудобно разрываться между нами?

— Не надо сейчас придумывать! Я сам ещё не разобрался! У нас с ней всё непросто, и я не обязан жениться на женщине только потому, что она залетела!

— А я обязана оставаться с тобой, потому что уже вышла замуж? Значит, мне ты можешь изменять, ей можешь ничего не обещать, а потом ещё и выбирать, как тебе удобнее?

— Ты меня вообще слышишь?! Я сказал, что не собирался тебя бросать! Мне нужно было время, чтобы решить, как дальше быть, а ты уже всё разнесла!

Он повысил голос, и Таня вдруг подумала, что ещё немного — и она начнёт объяснять, почему имеет право злиться. Будет доказывать мужу, что ей больно, приводить в пример его враньё и ждать, пока он согласится, что её реакция допустима. От одной этой мысли стало стыдно за себя и за то, сколько раз в последнее время она уже просила его отнестись к ней по-человечески.

— Собирай вещи, — сказала она. — Сегодня ты здесь не останешься, и завтра тоже. Так что бери всё, что тебе понадобится!

— Тань, не дури! Ты сейчас меня выгонишь, а через час начнёшь звонить, потому что сама же не захочешь разводиться!

— Разведёмся, — ответила она, и от этого решения стало страшно, но просить его остаться не хотелось. — Я с тобой больше жить не буду, Андрей, и ждать, пока ты разберёшься, где тебе лучше, тоже не собираюсь. У тебя будет ребёнок, ему отец нужен, а ты здесь рассказываешь, что не обязан жениться! Иди и разбирайся с ней, как вы будете его растить, я в этом участвовать не хочу!

Он ещё пытался спорить, напоминал, что они вместе снимали квартиру, спрашивал, куда ему идти среди вечера, и злился, когда она предложила обратиться с этим вопросом к женщине, с которой он несколько месяцев спит. Таня слушала его из кухни и плакала, пока он собирался, потому что сказать нужные слова оказалось проще, чем пережить то, что муж действительно уйдёт и их общая жизнь закончится.

В спальне он выдвигал ящики и ругался, что не может найти зарядку, а она помнила, как он смеялся, распаковывая здесь первую коробку. Они тогда заказали пиццу и ели на полу, потому что стол ещё не привезли, и ей нравилось всё: чужие светлые обои, тесная кухня, его уверенность, что скоро будут зарабатывать достаточно и снимут что-нибудь получше. Таня очень хотела вернуться в тот вечер и хоть на минуту побыть рядом с мужем, которому ещё верила.

Андрей появился в дверях с дорожной сумкой и осмотрел кухню, задержавшись на пакете с продуктами. Его раздражение немного улеглось, и Таня испугалась, что он сейчас снова начнёт уговаривать, а она не выдержит ещё одного разговора и позволит перенести всё на завтра, как он предлагал.

— Я остальное потом заберу, когда ты успокоишься. Поживу отдельно, подумаем оба, и ты мне на ночь хотя бы не звони, если решишь опять поругаться.

— Оставь ключи, — попросила она. — За вещами приедешь, когда договоримся, а звонить я тебе не буду.

Он бросил связку возле пакета и ушёл, хлопнув дверью так, что у соседей залаяла собака. Таня просидела на кухне ещё долго, пока не разболелась голова, а потом всё-таки добралась до кровати и легла в одежде, стараясь не смотреть на пустые полки в открытом шкафу.

Мама позвонила на следующий вечер, когда Таня уже вернулась с работы и пыталась решить, нужно ли что-нибудь приготовить или можно снова обойтись чаем. Услышав привычное «доченька», она расплакалась и рассказала всё, хотя собиралась потерпеть несколько дней

и сообщить о разводе, когда сможет говорить без слёз. Анна Александровна выслушала, сама заплакала и стала звать её домой.

Таня отказалась, сославшись на работу и необходимость разобраться с документами, а потом повторила те же доводы Свете. Самая близкая школьная подруга разругала Андрея, предложила приехать и помочь собрать его вещи, но Таня отговорила её, обещав, что сама справится. Ей хотелось выполнить хотя бы это обещание, потому что всё остальное в её жизни уже пошло наперекосяк.

Развод состоялся без примирения и громких сцен, которых она боялась. Андрей согласился, забрал оставшееся и попросил скинуть ему фотографию из отпуска, где был снят один. В общей папке оказались сотни снимков, и Таня удалила её целиком, чтобы больше не разбирать, какие воспоминания оставить ему, а какие он согласится выбросить вместе с ней.

Накануне первого платежа, который ей предстояло внести одной, она написала ему про кредит. Деньги брали на его дело, Андрей сам выбирал сумму и срок, а её убеждал, что через несколько месяцев всё пойдёт и они закроют долг раньше времени. Тогда Таня подписывала бумаги с уверенностью, что помогает мужу, и радовалась, когда он благодарил её за поддержку.

Теперь он ответил, что свободных денег нет и ей придётся пока разбираться самой. Объяснил, что у него изменились обстоятельства и расходов скоро прибавится, а когда Таня спросила, сколько продлится это «пока», предложил не устраивать скандала из-за денег. Она перечитала переписку и больше ничего не отправила, потому что начинать очередной разговор, в котором её сделают виноватой, уже не было сил.

Первое время она всерьёз думала, что сможет остаться в этой квартире и постепенно наладить жизнь. Работа у неё была, хозяин жилья согласился пока не поднимать плату, а по вечерам она просматривала вакансии и отправляла резюме, вспоминая диплом специалиста, который Андрей любил упоминать, когда смеялся над её скромной зарплатой. По его словам, она просто не умела себя подать и слишком боялась перемен.

На собеседования приходилось отпрашиваться, и однажды начальница спросила, не собирается ли Таня увольняться, потому что ей нужны люди, на которых можно рассчитывать. Таня заверила, что останется, а вечером отказалась от очередной встречи с возможным работодателем: потерять имеющийся заработок, не получив нового, она не могла, и после отказа ещё долго сидела с телефоном, чувствуя, как мало у неё осталось выбора.

Жить одной оказалось дорого, и с каждой зарплатой это становилось заметнее. После аренды, кредита и обязательных расходов оставалась сумма, которую Таня делила на дни до аванса, а потом пересчитывала, если требовалось купить лекарства от простуды или заменить порвавшиеся колготки. Она уже знала, в какой день выгоднее заходить в магазин, и стеснялась признаваться маме, что опять не сможет приехать на выходные.

Андрей жил неподалёку, и избежать встреч с ним не получалось. Она видела его у магазина, возле остановки, однажды столкнулась с ним в аптеке и выслушала, что хорошо бы больше гулять и не сидеть дома по вечерам. Он был в прекрасном настроении и поинтересовался, всё ли у неё нормально, так легко, что Таня ответила «да» и вышла, забыв забрать сдачу.

После таких встреч приходилось заново привыкать к разводу. Она уже могла несколько дней обходиться без слёз, а потом замечала Андрея через дорогу и снова вспоминала его недовольное «я же не ушёл», хотя теперь он прекрасно жил отдельно и не пытался вернуться. Таня злилась на то, как долго ей нужно времени, чтобы перестать любить человека, с которым давно не хотела быть вместе.

Хуже всего было увидеть его с той женщиной у детского магазина. Они выходили с пакетом, Андрей что-то рассказывал, а его спутница слушала и поглаживала округлившийся живот, и Таня свернула в ближайший двор, потому что пройти мимо не смогла. Ей было мучительно стыдно за то, что чужая беременность заставляет её плакать, хотя малышу она не желала ничего плохого.

Когда-то она представляла, как они с Андреем будут выбирать кровать и спорить о том, где её поставить, чтобы ребёнку было удобно, а им не приходилось пробираться к шкафу боком. Ей хотелось обычных вещей, о которых знакомые мамы рассказывали с усталостью: не выспаться, потому что малыш всю ночь просился на руки, купить не тот размер, опоздать из-за потерянной вареники. Таня слушала и думала, что с радостью согласилась бы на всё это, если бы только могла.

Теперь она перестала открывать общие чаты, где обсуждали детей, и пропускала фотографии, которые раньше рассматривала с удовольствием. Обижать знакомых не хотелось, но сил радоваться за них пока не находилось, и это тоже заставляло чувствовать себя плохой. В конце концов она начала отвечать, что занята, даже на приглашения выпить кофе после работы, потому что дома можно было хотя бы не притворяться.

Мама и Света продолжали звонить, и Таня с каждым разом старалась рассказывать всё меньше. Говорила про отчёты, про погоду, про то, что купила новую блузку, хотя собиралась её купить ещё до развода и так и не купила. Ей хотелось, чтобы они хоть немного перестали тревожиться, а получалось, что после разговоров становилось особенно одиноко.

Через полгода после развода она в очередной раз открыла банковское приложение и поняла, что на аренду не хватает. Деньги были, если взять из отложенного на кредит, но через неделю понадобился бы весь платёж, а до зарплаты оставалось ещё десять дней. Таня пересчитала всё на листке, проверила даты и написала хозяину квартиры, можно ли немного задержать оплату.

Он разрешил до пятницы, и она поблагодарила, хотя к пятнице ничего не должно было измениться. Потом открыла вакансии, сохранила две с требованием опыта, которого у неё не было, и приготовилась позвонить маме, когда на экране появилось имя Светланы. Таня попыталась выровнять голос, но подруга начала раньше, чем удалось придумать бодрое приветствие.

— Я сегодня была у тётки Ани, и мы с ней опять говорили о тебе. Ты собираешься возвращаться или мне уже самой за тобой ехать, брать тебя за шкирку и тащить домой?

— Свет, я же объясняла, мне нужно сначала найти работу. У мамы и без меня денег немного, а если я приеду и сяду ей на шею, нам обоим легче не станет.

— Ты полгода мне это объясняешь! И полгода ничего не меняется, только ты уже на человека не похожа, я тебя по видеосвязи вижу и каждый раз хочу этому гаду позвонить сама!

Таня хотела ответить, что выглядит нормально, но спорить со Светой было бесполезно, она знала её со школы и умела замечать даже то, чего Таня не говорила. Раньше это помогало, особенно когда требовалось придумать, как объяснить маме очередную плохую оценку, а теперь хотелось спрятаться от подруги, чтобы не слышать в её голосе жалость, которую Таня уже замечала в каждом добром слове.

— Мне просто нужно время, — сказала она. — Я ищу другую работу, правда, но не могу уволиться и уехать, пока здесь хоть что-то получаю.

— А сколько у тебя остаётся после квартиры и кредита? Ты тётке Ане сказала, что пока не приедешь, потому что у вас аврал, а мне можешь сказать, что на билет денег нет!

Таня закрыла банковское приложение и почувствовала, как снова подступают слёзы. Признаваться в том, что не хватает даже на аренду, было унижительно, хотя Света никогда не попрекала её деньгами и раньше они без всякого стеснения выручали друг друга до зарплаты. Теперь Таня боялась начать просить и больше не сумеет остановиться.

— Я с квартирой в этом месяце не укладываюсь, — призналась она. — Хозяин согласился подождать. Я что-нибудь придумаю. Только маме не говори, пожалуйста, она сразу начнёт мне переводить, а ей самой нужно.

— Танюш, а ты сколько ещё собираешься одна это вытягивать? У тебя здесь мама, у тебя здесь я, мы обе тебя ждём! А ты всё равно сидишь там, платишь за чужую квартиру и каждый день мучаешься!

— Я приеду, и что дальше? Кредит со мной приедет, работу ещё попробуй найди, а мама будет кормить меня со своих денег и говорить, что ей ничего не надо! Я её знаю, Свет, она последнее отдаст и даже не скажет, что ей самой не хватает!

Таня уже не сдерживала слёз, и говорить стало трудно, но остановиться тоже не получилось. Она столько месяцев представляла, как приедет домой, что хотелось закрыть глаза и сразу оказаться у мамы на кухне, где можно сидеть в старой футболке, пить чай из любимой чашки и не бояться, что сейчас увидишь Андрея с женщиной, которая сумела дать ему всё, чего не смогла она.

— И что ты предлагаешь, вообще к ней не возвращаться, пока не станешь счастливой и богатой? — сердито спросила Света. — Тётя Аня тебя ждёт! Она уже не знает, как позвать, чтобы ты согласилась, и всё спрашивает меня, что делает не так!

— Она ничего не делает не так! Я ей говорила, что люблю её и очень хочу приехать, только сейчас от меня одни проблемы, а ей и так тяжело!

— А без тебя ей легко, по-твоему?! Знать, что ты там плачешь, и даже обнять не иметь возможности — это ей, значит, хорошо? Тань, мы тебя любим, нам хочется быть рядом, а ты нас полгода убеждаешь, что без тебя удобнее!

Таня попыталась возразить, но вместо слов получился всхлип, и Света попросила её высморкаться, обещав никуда не уходить. Подруга действительно осталась на линии, пока Таня искала салфетки и пыталась успокоиться, а потом заговорила уже мягче, без прежнего напора, от которого защищаться было хоть немного легче.

— Ты думаешь, я не вижу, как тебе плохо? Мне хочется приехать, забрать тебя и выругать заодно, чтобы ты перестала решать за нас, насколько нам с тобой тяжело! Я бы к тебе сейчас пришла, если бы могла, и тётя Аня тоже, а ты даже приехать не соглашаешься.

— Я не хочу, чтобы вы из-за меня во всём себе отказывали, — призналась Таня. — Мне и так стыдно, что я до сих пор не могу выкарабкаться, а если ещё вы начнёте меня содержать, я вообще себя возненавижу.

— Я могу тебе помочь, и мне ради этого не придётся голодать! Пока будешь искать работу, выручу, потом разберёмся, ты тоже для меня сколько раз всё бросала и приезжала, когда нужно было!

Таня помнила те поездки и ни разу не считала их жертвой, за которую Света должна расплатиться. Когда подруге была нужна помощь, хотелось поскорее добраться до неё и сделать хоть что-нибудь, а теперь принять такое же отношение к себе почему-то казалось почти невозможным. Таня устала от этой мысли и от постоянного страха, что ещё немного — и все увидят, насколько она никчёмная.

— Я ведь могу не сразу устроиться, — сказала она. — Ты сейчас думаешь, что это на неделю, а вдруг у меня опять ничего не получится, и я застряну у мамы без денег?

— Тогда будем искать дальше, а жить ты будешь дома, где тебя любят и ждут. Тань, ты мне скажи, ты вообще хочешь приехать? Без кредита, вакансий и всех твоих «а вдруг», ты к нам хочешь?

Ответить, что не хочет, Таня не смогла бы, даже если бы опять решила отказаться. Ей хотелось к маме так сильно, что заболело в груди, и она уже видела, как Анна Александровна встретит её у двери и начнёт плакать, пока Таня будет убеждать, что доехала хорошо и совсем не устала. Впервые за этот разговор она позволила себе представить, что действительно приедет и останется.

— Хочу, — сказала она. — Очень хочу, Свет. Я просто уже не понимаю, как всё это бросить и начать заново.

— Для начала купить билет, а остальное будем решать по очереди. Давай завтра подашь заявление и узнаешь, когда тебя отпустят, я помогу с дорогой, и никаких новых причин остаться я больше не принимаю!

— Я ещё хозяйину должна, — напомнила Таня. — И вещей здесь много, мне придётся отправить коробки, потому что всё с собой не увезу.

— Значит, отправишь коробки и договоришься с хозяином, залог у тебя ведь остался? — Света уже говорила тем деловым тоном, которым когда-то распределяла, кому из них покупать продукты, а кому готовить к общему празднику. — Ты не обязана всё уладить за один вечер, но билет мы сегодня посмотрим, и тётё Ане ты сама позвонишь, потому что я так долго эту новость от неё скрывать не смогу!

Таня рассмеялась сквозь слёзы и согласилась посмотреть билеты, пока Света будет рядом и не даст опять найти причину отложить. Ей ещё предстояло уволиться, собрать вещи и объяснить с хозяином, но впервые за долгое время завтра не хотелось просто переждать. Она собиралась позвонить маме и сказать, что возвращается домой.

Глава 2

Мама открыла дверь прежде, чем Таня успела позвонить, и сразу обняла её, даже не дав поставить сумку. Всю дорогу Таня собиралась улыбаться, рассказывать, как хорошо доехала, и убеждать, что теперь обязательно всё наладится, но вместо приветствия уткнулась в мамино плечо и расплакалась.

— Ну что ты, моя хорошая, — приговаривала Анна Александровна, прижимая её к себе. — Приехала наконец, и слава богу. Давай проходи, я тебя уже с обеда жду, всё к окну бегаю.

Таня плакала и не могла отпустить её, хотя сумка мешала, а за спиной оставалась открытая дверь. За последние месяцы она отвыкла, что можно вот так обнять человека и не торопиться отстраняться, опасаясь, что сейчас спросят, долго ли ещё она собирается реветь. Мама гладила её по спине, целовала в висок и ничего не требовала объяснять.

— Я тебе всё плечо намочила, — пробормотала Таня, когда наконец удалось заговорить. — Mam, прости, я хотела нормально приехать. Чтобы ты хоть порадовалась, а сама опять...

— Я радуюсь! Ты дома, чего мне ещё надо? — Мама забрала у неё сумку и только тогда вытерла щёки. — Иди умывайся, потом поедим. Света обещала вечером зайти, если ты не устанешь.

В её комнате ничего особенно не изменилось, даже покрывало осталось прежним, и Таня почувствовала неловкость, увидев приготовленную постель. Мама ждала её всё это время, а она отказывалась приехать, уверяла, что справляется, и теперь даже не могла вспомнить, что именно так упорно пыталась сохранить в том городе.

После ужина Анна Александровна предложила помочь разобрать вещи, но Таня попросила просто посидеть рядом. Они устроились на кровати, и мама рассказывала про соседей, про новые скамейки во дворе и про магазин, который открыли за углом. Таня слушала, прильнув к ней плечом, и постепенно переставала ждать вопросов об Андрее.

Вечером пришла Света, обняла её с таким облегчением, что Таня опять едва не заплакала, и объявила, что на сегодня никаких серьёзных разговоров не будет. Они просидели втроём почти до полуночи, а перед сном Таня поймала себя на том, что за весь вечер ни разу не проверила телефон. Смотреть, не написал ли бывший муж, больше не хотелось, и она с удовольствием выключила звук, чтобы утром поспать подольше.

Поспать получилось только в первый день, потом Таня начала просыпаться рано и сразу открывала вакансии. Вечером ей казалось, что завтра обязательно что-нибудь найдётся, но проходило завтра, затем ещё несколько дней, а работодатели либо молчали, либо обещали перезвонить в ответе на отклик. Дважды её приглашали на собеседование, и оба раза после встречи сообщали, что выбрали другого кандидата.

Мама не спрашивала, почему так долго, и не напоминала, что нужно платить за квартиру. Покупала продукты, звала обедать и предлагала погулять, когда Таня засиживалась за ноутбуком. От этого хотелось скорее получить хотя бы первую зарплату и самой принести домой покупки, чтобы перестать на каждый поход в магазин отвечать: «Mam, я потом тебе отдам».

К концу третьей недели в ответ на очередное резюме пришёл отказ, и Таня убрала из поиска часть требований. Вакансия секретаря в торговой компании появилась среди первых объявлений, она перечитала обязанности и задержалась на сумме оклада. После платежа по кредиту оставалось бы немного на дорогу и самые необходимые расходы, но больше ждать хорошего предложения она не могла.

Света застала её за подсчётами и устроилась рядом, попросив показать объявление. Анна Александровна ушла в магазин, и Таня позволила себе назвать сумму платежа, которую до сих пор старалась не обсуждать при матери. Подруга выслушала, уточнила, сколько ещё платить, и отодвинула от себя чашку с недопитым чаем.

— Ты понимаешь, что будешь работать почти целиком на его кредит? — спросила она. — Тань, он взял деньги, он ими пользовался, а ты теперь должна любую работу хватать, лишь бы в банк отнести!

— Понимаю, Свет. Там нормально платят для секретаря, просто у меня платёж большой. Откликнусь, а дальше буду смотреть, может, со временем внутри компании получится перейти.

— Сначала сходи к юристу! Можно же доказать, что деньги брали для Андрея! Пусть хотя бы половину платит, у тебя сразу появится возможность нормально жить!

Таня уже обдумывала это, когда он отказался присылать деньги, и даже находила номер специалиста, которому можно было позвонить. Но всякий раз представляла беременную женщину, которая теперь тоже зависела от обещаний Андрея, и откладывала звонок. Оставалось надеяться, что хотя бы с ней и ребёнком он будет вести себя прилично.

— У него скоро малыш родится, — сказала она. — Им сейчас и так много всего покупать. Я не хочу, чтобы потом на ребёнке сэкономили из-за этих выплат.

— Так пусть отец заработает! Или он уже забыл, как это делается? — Света рассердилась, но на Таню не кричала. — Ты понимаешь, что опять решаешь его проблемы за свой счёт?

— Свет, я не пойду в суд. Ребёнок здесь вообще ни при чём, и я не хочу потом думать, что из-за меня ему чего-то не купили. Я работу найду и выплачу, правда. Давай пока оставим это.

Подруга явно собиралась возразить, но Таня попросила помочь с откликом, и после недовольного вздоха Света придвинула ноутбук. Они поправили сопроводительное письмо, убрав из него извиняющееся объяснение, почему Татьяна Максимовна Петрова претендует на должность секретаря, а не на что-нибудь соответствующее образованию. Когда письмо ушло, Таня ощутила облегчение, хотя до ответа ещё предстояло дожить.

Ей позвонили на следующее утро и после нескольких вопросов пригласили приехать к трём. Таня успела вымыть голову, погладить блузку и дважды проверить, всё ли положила в сумку, а мама проводила её до двери, пожелав удачи. По дороге хотелось то поскорее оказаться на месте, то вернуться домой, потому что ещё один отказ сейчас было бы трудно принять.

Компания занимала пятый этаж делового центра, и возле стойки охраны Таня немного растерялась, пытаясь одновременно найти паспорт и вспомнить фамилию сотрудницы, с которой разговаривала. Та уже спускалась за ней, представилась Ольгой и проводила наверх. После обычных вопросов об опыте, программах и причинах переезда она предложила познакомиться с руководителем.

— Алексей Николаевич Кулагин, владелец компании, — пояснила Ольга. — Работа непосредственно с ним, поэтому ему важно самому провести собеседование. Если у вас есть вопросы по условиям, лучше задайте сейчас.

— Оклад во время испытательного срока тот же? — уточнила Таня, стараясь не показать, насколько для неё важен ответ. — В объявлении указана сумма, которую я получу на руки?

Ольга подтвердила и рассказала о графике, после чего Таня уже почти перестала волноваться из-за предстоящего разговора. Работа была понятной, условия подходили, и оставалось убедить Кулагина, что она справится. Она успела повторить это про себя, прежде чем вошла в кабинет и увидела мужчину, который поднялся ей навстречу.

— Добрый день, Татьяна Максимовна. Проходите, присаживайтесь, — предложил он и дождался, пока Ольга выйдет. — Я посмотрел ваше резюме. Вы понимаете, на какую должность пришли?

Таня понимала, но сейчас ей потребовалось несколько секунд, чтобы перестать разглядывать самого работодателя. Высокий, темноволосый, с лёгкой сединой у висков, он оказался совсем не тем пожилым директором, которого она почему-то успела себе представить. На нём был тёмный костюм и белая рубашка без галстука, а когда он сел напротив, Таня заметила широкие плечи и смутилась, поймав себя на совершенно неуместном интересе.

— Да, на должность секретаря, — ответила она. — Ольга рассказала об обязанностях, у меня есть опыт работы с документами и организации встреч. С программами, которые вы используете, тоже знакома.

— Почему тогда секретарь? По резюме вы могли бы претендовать на другую работу. Мне нужен человек, который останется, а не уволится через месяц, как только найдёт место получше.

Таня подготовилась к вопросу об опыте, но про своё согласие на скромную должность успела придумать только общие фразы. Объяснять про кредит и бывшего мужа не хотелось, а придумывать особую любовь к звонкам и расписаниям было бы нелепо. Под его вниманием она и без того чувствовала себя школьницей, которую вызвали отвечать невыученный урок.

— Я недавно вернулась в город и ищу постоянную работу. Мне важно устроиться в устойчивую компанию с понятными условиями. Если будет возможность развиваться, я буду рада, но сейчас готова выполнять обязанности секретаря.

— У нас много звонков, встреч и документов, — предупредил он. — Мне нужно, чтобы договорённости выполнялись без постоянных напоминаний. Если поручение непонятно, спросите сразу. Это лучше, чем переделывать потом всей компанией.

Он говорил прямо и смотрел на неё так внимательно, что Таня пару раз теряла начало приготовленного ответа. От этого становилось жарко, и она сердилась на себя, потому что собеседование шло вполне нормально, а она вдруг начала думать, как выглядит и не слишком ли заметны тени под глазами. Ещё не хватало понравившегося начальника, когда с обычной жизнью едва удаётся разобраться.

Алексей Николаевич предложил несколько рабочих ситуаций, и к третьей Таня наконец перестала следить за выражением его лица. Рассказывала, как поступит, уточняла исходные условия и однажды поправила себя, когда поняла, что упустила важную деталь. Он выслушал объяснение и задал следующий вопрос, а Таня с облегчением обнаружила, что уже не пытается угадать, за какую ошибку её сейчас выставят.

— С понедельника сможете выйти? — спросил он, когда она ответила на всё. — Оформление согласуйте с Ольгой, а утром приходите к половине девятого. Покажу, с чего начнём.

— Смогу, спасибо. Алексей Николаевич, мне нужно что-нибудь заранее посмотреть по работе компании? Я бы подготовилась за выходные.

— Ольга пришлёт информацию, которую можно изучить сейчас. Остальное разберёте здесь, — ответил он и поднялся, давая понять, что разговор окончен. — До понедельника, Татьяна. Надеюсь, сработаемся.

В коридоре Таня остановилась возле окна, чтобы написать маме, и только тогда улыбнулась. Её взяли, она могла выходить уже через несколько дней, и не нужно было возвращаться домой с очередным обещанием подождать. Правда, вместе с облегчением появилось беспокойное предвкушение следующей встречи с Кулагиным, и Таня постаралась не придавать ему значения.

За выходные она прочитала всё, что прислала Ольга, и наметила вопросы, которые следовало задать утром. Вечером в воскресенье собиралась признаться Свете, что новый начальник очень привлекательный, но передумала, представив, как подруга тут же начнёт её расспрашивать. Пока это касалось только Тани, можно было надеяться, что впечатление от первой встречи скоро пройдёт.

За первую рабочую неделю оно не прошло, хотя времени любоваться руководителем почти не оставалось. Алексей Николаевич действительно требовал собранности, мог вернуть документ из-за пропущенного приложения и однажды напомнил, что ему нужен ответ на вопрос, а не рассказ о том, кому Таня уже позвонила. Она исправляла ошибки, разбиралась в расписании и радовалась каждому дню, когда удавалось сделать всё без замечаний.

Его одобрение тоже было деловым, без снисходительных похвал, и Таня понемногу перестала ждать подвоха после обычного «хорошо». Он не звонил по вечерам, не требовал оставаться на работе ради того, что могло подождать до утра, и не вымещал на ней недовольство чужими ошибками. Зато при разговоре с людьми, которые пытались переложить на него последствия своих решений, становился таким жёстким, что Таня предпочитала в эти минуты без необходимости не входить.

О том, что он вдовец, она узнала от Ольги, когда спросила, кому из близких можно соединять звонки без предупреждения. У Алексея Николаевича была семилетняя дочь, а жена умерла несколько лет назад, и Ольга назвала ещё один номер, с которого могли звонить по поводу девочки. Таня записала его, не задавая вопросов, и в тот день почему-то особенно внимательно отнеслась к просьбе перенести последнюю встречу, чтобы руководитель смог уехать вовремя.

Алёнку она увидела в начале следующей недели, когда отец привёл её в приёмную за несколько минут до совещания. Девочка была в светлом джемпере, с двумя косичками и маленьким рюкзаком, который прижимала к себе, пока Алексей Николаевич договаривался с Таней о звонках. Увидев ребёнка, она невольно улыбнулась, но Алёнка сразу спряталась за отца.

— Татьяна, дочь немного побудет здесь. У неё всё с собой, я постараюсь закончить поскорее, — сказал Кулагин, а потом обратился к девочке уже совсем другим голосом, от которого Тане захотелось улыбнуться снова. — Алён, устраивайся на диване. Я буду через стенку, далеко не ухожу.

— Ты сказал, мы вместе будем, — напомнила девочка, не выпуская его руки. — Я с тобой хочу, у тебя там тоже стулья есть.

— Знаю, милая, но там тебе придётся совсем тихо сидеть. Здесь можно порисовать, а я освобожусь и сразу приду. Договорились?

Он помог ей устроиться и поцеловал в макушку, а Таня сделала вид, что занята расписанием. Было неловко наблюдать за ними так открыто, но после привычного обращения к сотрудникам эта нежность удивляла и трогала. Алёнка проводила отца до двери, вернулась на диван и достала из рюкзака альбом, старательно не замечая новую знакомую.

Таня предложила воды, девочка покачала головой, и она больше не стала её отвлекать. Нужно было ответить на письма и перенести встречу, о которой Алексей Николаевич предупредил утром. Несколько минут из-за стола слышались только разговоры по телефону, а потом позвонили из другого отдела, и Таня увлеклась поиском нужного документа, забыв следить за временем.

Когда она закончила разговор, Алёнка уже сидела на краю дивана и смотрела на дверь переговорной. Альбом лежал раскрытым, но вместо рисунка на листе виднелись несколько неровных линий. Таня собралась сказать, что папа скоро придёт, и в этот момент девочка всхлипнула, торопливо вытирая щёки рукавом.

— Алён, что случилось? — Таня подошла и присела рядом, оставив между ними место. — Папу ждёшь? Он ещё на совещании, но я посмотрю, долго ли осталось.

— Он сказал, ненадолго, — выговорила девочка, и слёзы потекли уже без всякой попытки спрятать их. — А его всё нет! Я хочу к нему, можно я пойду?

Тане стало больно от её обиды и того, как отчаянно она старалась говорить разборчиво, хотя всхлипы мешали. Она достала салфетки и положила рядом, не пытаясь обнять ребёнка, который совсем её не знал. Хотелось сразу отвести к отцу, но прерывать встречу без необходимости она пока не решалась.

— Ты можешь его позвать, если очень нужно. Он здесь, в переговорной, помнишь, в какую дверь вошёл? — спросила она. — Сейчас там много людей, они обсуждают работу, и иногда это занимает время. Давай я узнаю, скоро ли закончат, хорошо?

Алёнка согласилась, и Таня позвонила по внутреннему номеру, объяснив, что дочь ждёт и расстроилась. Алексей Николаевич попросил передать, что уже заканчивает, и Таня повторила его слова девочке. Та взяла салфетку, но продолжала смотреть на дверь, готовая снова заплакать, если отец задержится.

— Он тоже хочет побыстрее к тебе вернуться, — сказала Таня. — А я тебя даже не спросила, как лучше называть, Алёна или Алёнка? Меня зовут Таня, можно тётя Таня, если тебе так удобнее.

— Алёнка, — разрешила девочка и высморкалась. — Папа так зовёт, а когда сердится, просто Алёна. Но он редко сердится, если я ничего не разбила.

— Значит, ты обычно ничего не разбиваешь. У меня в детстве с этим было сложнее, мама даже чашку мне отдельную купила, которую разбить нельзя.

Таня вспомнила ту кружку с отбитым рисунком, которую Анна Александровна до сих пор держала в шкафу, и Алёнка наконец посмотрела на неё с интересом. Слёзы ещё не высохли на щеках, но девочка уже ждала продолжения, и Таня решила, что вполне может ненадолго отложить письма. В приёмную пока никто не приходил, телефон тоже молчал.

— Ты много разбивала? — спросила Алёнка. — Специально или нечаянно? Я нечаянно, когда доставала, а оно упало.

— Нечаянно, конечно, хотя мама иногда сомневалась. Однажды я решила помыть посуду и положила в раковину сразу все чашки. Потом поскользнулась на воде и попробовала за них удержаться, представляешь?

Девочка охнула и спросила, сильно ли она порезалась, и Тане стало тепло от этой немедленной заботы. Она объяснила, что чашки оказались крепкими, а досталось только её штанам, потому что упала прямо в пролитую воду. Алёнка даже улыбнулась, представив, как мокрая маленькая Таня объясняет маме, что собиралась сделать ей приятное.

— А ты тоже рисовала, когда ждала? — спросила девочка и придвинула к себе альбом. — У меня кошка не получается, всё время выходит собака. Папа сказал, хорошая собака, но я же кошку хотела!

— Покажешь? Может, ей чего-то не хватает, чтобы стать кошкой. Собаки, конечно, тоже хорошие, но тут с папой можно поспорить.

Алёнка перевернула страницу и показала зверя с длинными ушами и большим хвостом, а Таня постаралась рассмотреть его со всей серьёзностью. Рисунок был старательный, с отдельным домиком и миской, в которой лежали разноцветные кружочки. Ей захотелось спросить, есть ли у девочки животное, но она удержалась, чтобы разговор снова не вернулся к дому, куда Алёнке так хотелось уйти с отцом.

— С ушами я бы немножко помогла, — предложила Таня. — У кошки они обычно торчат, а здесь свисают. Можно нарисовать новую, если ты разрешишь, но предупреждаю, я тоже не художник.

— Нарисуй, — попросила Алёнка, выбирая карандаш. — Только не поверх моей, она пусть остаётся. Вдруг я потом захочу, чтобы собака тоже была.

Таня взяла свободный лист и принялась рисовать, стараясь вспомнить, с чего начинала в детстве. Получилось большое круглое туловище, маленькая голова и такие короткие лапы, что девочка забыла про карандаши и недоверчиво посмотрела на новую кошку. Таня добавила усы, но помогло это мало, и она сама не выдержала, рассмеявшись над результатом.

— Кажется, я её перекормила. Давай хотя бы хвост сделаем красивый, чтобы было чем гордиться.

— Она же ходить не сможет! — засмеялась Алёнка и тут же принялась дорисовывать лапы. — Вот так надо, а то живот по земле будет тащиться! Ты ей совсем маленькие сделала!

Таня согласилась с замечанием, и они вместе исправили рисунок, хотя кошка после этого всё равно осталась толстой. Алёнка предложила назвать её Булкой, а потом решила, что Булка

съела весь корм у её собаки и теперь собака будет жаловаться. Она рассказывала это с таким возмущением за обиженного зверя, что Таня снова засмеялась и придумала поставить между мисками забор.

За разговором она не заметила, как открылась дверь, и обернулась только на голос Алексея Николаевича. Он вошёл в приёмную, торопливо извинившись перед дочерью за задержку, но остановился, увидев их общий рисунок и смеющуюся Алёнку. Таня почувствовала неловкость, что сидит здесь с карандашом, пока на столе лежат письма, и начала подниматься.

— Алён, пойдём ко мне в кабинет, — предложил он, с удивлением переводя внимание с дочери на Таню. — Прости, что так долго, я уже освободился.

— Пап, можно я ещё с тётей Таней посижу? — попросила Алёнка и придержала Таню за рукав. — Мы ещё не дорисовали, у нас тут кошка весь собачий корм съела!

Глава 3

— Посиди, конечно, — разрешил Алексей и обратился к Татьяне, которая всё ещё собиралась встать. — Если я не слишком отвлék вас от работы. Спасибо, что помогли ей дожидаться.

Она заверила, что ничего срочного не осталось, и снова села рядом с Алёнкой, а он вернулся в кабинет, оставив дверь открытой. Дочь уже объясняла, почему забор возле миски не спасёт собаку от прожорливой кошки, и даже не проверила, далеко ли ушёл отец. Алексей постоял возле стола, прислушиваясь к разговору, и забыл, зачем вообще сюда вошёл.

Утром Алёнка отказалась завтракать, потом расплакалась из-за пропавшего карандаша и наконец спросила, не придёт ли опять та женщина, которая приходила к ней последние несколько дней. Женщина уже позвонила сама, чтобы сообщить, что больше не придёт. Прекрасные рекомендации и опыт работы с детьми не помогли ей выдержать даже неделю, а Алексей после очередного отказа попросил агентство пока никого не присылать и взял дочь с собой.

Он собирался провести совещание, забрать необходимые документы и уехать домой, а остальное решить оттуда. Получилось задержаться, Алёнка опять заплакала, и после звонка Татьяны он заканчивал встречу, уже представляя, как дочь встретит его с обидой и потом весь вечер будет спрашивать, зачем он обещал скоро вернуться. Вместо этого она просила остаться с женщиной, которую увидела меньше часа назад.

За три года после смерти жены он так и не научился без тревоги оставлять Алёнку с чужими людьми. Дочь могла вежливо поздороваться, показать игрушки и даже поиграть, пока отец находился в комнате, но стоило ему собраться уходить, начинала плакать и цепляться за него. Иногда удавалось уговорить, иногда приходилось отменять встречу, а к вечеру слушать от очередной няни, что ребёнку необходимы дисциплина и твёрдость.

С одной он расстался сам, услышав, как она обещает Алёнке позвонить папе и рассказать, какая у него непослушная дочь. Другая очень старалась, приносила новые игры и после каждого дня отправляла фотографии, но Алёнка сидела рядом с ней с таким несчастным видом, что Алексей возвращался домой злой на всех, включая себя. Он мог обеспечить дочери всё необходимое и всё равно не умел сделать так, чтобы ей стало хорошо без мамы.

Сейчас из приёмной снова донёсся смех, и он почувствовал, как отпускает накопившееся с утра раздражение. Алёнка смеялась часто, когда они оставались вдвоём, но услышать её такой с посторонним человеком было непривычно. Хотелось дать им ещё немного времени, даже если ради этого придётся сегодня самому ответить на оставшиеся звонки.

Татьяну он заметил ещё на собеседовании и тогда же решил, что обойдётся без подобных глупостей. Она сидела напротив, стараясь держаться уверенно, отвечала по делу и смущалась, когда он задерживался на ней внимательным взглядом. Ему нравились её голос и мягкие губы, а усталый вид вызывал желание закончить вопросы и предложить ей спокойно выпить чаю, что совершенно не входило в обычную процедуру найма.

Алексей принял её за опыт и готовность работать, а потом целую неделю злился на себя за то, что замечает, когда она улыбается. В сорок два года следовало уметь отличать деловые отношения от личных желаний, тем более после всего, что у него было с женой. Он продолжал любить её, скучал и не собирался искать женщину, с которой можно будет попробовать начать заново.

Из приёмной позвонили по городскому телефону, и Татьяна отошла к столу, попросив Алёнку пока придумать имя собаке. Дочь согласилась без возражений и занялась рисунком, а Алексей обнаружил, что смотрит на новую сотрудницу через открытую дверь. Пришлось вернуться к документам, пока его поведение не стало заметно кому-нибудь ещё.

Позже он всё-таки увёл Алёнку в кабинет, где она уселась рядом с ним и разложила альбом. Рассказывала про кошку, про чашки, которые тётя Таня не разбила, хотя очень могла, и

про то, что завтра надо принести хорошие фломастеры, потому что карандашами долго закрашивать. Алексей выслушал и спросил, понравилось ли ей сегодня в офисе, заранее надеясь на ответ.

— С тётей Таней понравилось, — уточнила дочь. — А тебя долго ждать не понравилось. Мы завтра опять приедем, да?

— Посмотрим, милая, — ответил он и поцеловал её в висок. — Давай пока соберёмся домой. Мне ещё с Татьяной поговорить нужно, а потом поедем.

Он позвал сотрудницу в кабинет, оставив Алёнку в кресле у окна с альбомом. Объяснить предложение требовалось так, чтобы она могла отказаться, не опасаясь за место, хотя Алексей уже очень рассчитывал, что не откажется. На завтра ему снова было не с кем оставить ребёнка, а возить дочь на работу каждый день и надеяться на свободные полчаса секретаря он не мог.

— Татьяна, у меня к вам предложение по работе. Оно не связано с вашими нынешними обязанностями, поэтому, если вам не подойдёт, продолжите работать здесь, как договаривались.

Она немного растерялась и спросила, о чём речь, а Алёнка перестала рисовать. Алексей объяснил, что ищет для дочери няню, но пока найти подходящую не получается. Предлагал несколько дней побыть с ней дома, пока он занимается поисками, и заметил, как Татьяна посмотрела на девочку прежде, чем задать вопрос.

— На весь день, пока вы на работе? Я правильно понимаю, что в офис приезжать не нужно будет? Просто я пока даже не все дела здесь освоила.

— Да, вместо офиса приезжать ко мне домой. Заниматься нужно только Алёнкой, по хозяйству у меня есть помощница. Девяносто тысяч в месяц, за временную работу рассчитаем по дням. В приёмную на это время Ольга найдёт замену.

— Девяносто? — переспросила она, и он подтвердил, что назвал сумму правильно. — Алексей Николаевич, у меня нет опыта работы няней. Я бы не хотела, чтобы вы рассчитывали на специалиста, а потом разочаровались.

— Я видел, как вы общаетесь с дочерью. Попробуем несколько дней, дальше решим. Если возникнут сложности, мне нужно, чтобы вы сразу говорили о них, а не пытались дотянуть до вечера.

Татьяна согласилась и спросила, к какому часу приезжать, а Алёнка немедленно потребовала объяснить, действительно ли тётя Таня завтра будет у них. Пока Алексей отвечал дочери, новая няня уже записывала адрес и уточняла, что понадобится взять с собой. Согласие далось ей легко, без обычного для таких разговоров перечня условий, и он надеялся, что она понимает, на какую работу идёт.

Ольга приняла новость с удивлением, но возражать не стала. Он пообещал к утру посадить в приёмную сотрудницу из административного отдела. В машине Алёнка всю дорогу рассказывала, что покажет тёте Тане дома, а вечером сама собрала альбом и карандаши, хотя никуда больше ехать не собиралась. Алексей не стал объяснять дочери, что договорённость временная, решив оставить этот разговор до момента, когда появится подходящая кандидатка.

На следующий день он встретил Татьяну возле дома и проводил внутрь, где Алёнка уже ждала в прихожей. Дочь забрала её с порога, не позволив отцу закончить объяснения, и пришлось идти за ними, рассказывая о распорядке и телефонах. Татьяна слушала, иногда уточняла что-то и не обещала, что всё обязательно будет прекрасно, от чего Алексей испытывал неожиданную благодарность.

Перед уходом он задержался в детской, готовый снова уговаривать Алёнку и объяснять, когда вернётся. Она подошла обнять его, попросила не приезжать слишком поздно и отпустила, потому что собиралась показать тёте Тане, где у неё лежат игры. Алексей вышел из дома, но ещё несколько минут оставался в машине, ожидая звонка, и только потом заставил себя ехать.

Позвонил он сам ближе к обеду, не выдержав неизвестности, и услышал, что они погуляли по саду, поели и теперь собирают пазл. На его вопрос, всё ли в порядке, Татьяна ответила, что в порядке, но Алёнка соскучилась. После этого дочь забрала телефон и рассказала, что у картинки потерялся уголок, который они никак не могут найти, так что вечером папе придётся помочь.

Домой Алексей приехал раньше обычного и нашёл обеих на полу в гостиной возле почти законченного пазла. Алёнка подбежала к нему, принялась рассказывать о потерянной детали и тут же увела показывать пустое место, не дав даже раздеться. Татьяна пыталась объяснить, что его надо сначала отпустить переодеться, но он сам уселся рядом и занялся поисками, чтобы не пропустить это непривычное возвращение домой.

Дочь ничего не требовала исправить и ни на кого не жаловалась. Рассказывала про игру, радовалась, когда нашёлся уголок, и спрашивала у Татьяны, успеют ли они завтра собрать другую картинку. Алексей обещал, что успеют, а потом уже в прихожей поблагодарил Татьяну, которая собиралась уезжать.

— Вы ей очень понравились, — сказал он. — Обычно первый день проходит совсем иначе. Устали?

— Немного, но мы хорошо провели время. Алёнка замечательная, с ней интересно, — ответила она и улыбнулась так, что ему захотелось продолжить разговор. — Алексей Николаевич, я только вас попрошу предупреждать, если задерживаетесь. Ей легче ждать, когда она знает, что вы помните о ней.

Он пообещал звонить и спросил, удобно ли ей добираться. Татьяна ответила, что нормально, а когда он предложил водителя, удивилась и стала отказываться, пока он не объяснил, что это сэкономит время утром и вечером. Прежде ему не приходилось уговаривать няню принять то, что облегчало ей работу, и её неловкость почему-то нравилась, хотя Алексей предпочёл бы не задумываться, чем именно.

Следующие дни прошли без звонков с просьбой немедленно приехать, и он начал возвращаться к обычному расписанию, проверяя телефон реже. По вечерам Алёнка перечисляла, что они делали с Таней, а потом выпрашивала, как он работал, и возмущалась, что взрослые на совещании опять спорили. Алексей ловил себя на том, что ждёт этих рассказов ещё по дороге домой, хотя прежде в конце дня думал главным образом о том, удастся ли уложить дочь без слёз.

Агентство прислало новые анкеты в четверг, и он выбрал одну, договорившись о встрече на следующий день. Рассказал об этом Алёнке вечером, надеясь, что теперь знакомство пройдёт легче, но дочь сразу отказалась. Спрашивала, что тётя Таня сделала плохого и почему ей опять собираются приводить другую, а услышав, что Таня вообще-то работает у папы секретарём, заплакала.

— Она уже здесь работает! — возмущалась Алёнка, забравшись к нему на колени. — Ты же сам сказал, что она со мной будет! Зачем тогда ещё кто-то?

— Я сказал, что она поможет нам несколько дней, — напомнил Алексей, жалея, что не объяснил этого раньше. — Мы не можем решать за неё, сколько ей с тобой оставаться. У неё есть своя жизнь, Алён, она не обязана всё время быть у нас.

— А ты спроси, может, она хочет! Мне с ней хорошо, я другую не хочу! Можно тётя Таня хотя бы в субботу придёт? Мы уже договорились, что будем домик делать, только ещё не решили какой.

Он успокоил дочь, пообещал спросить и потом долго не мог заняться документами. Алёнка привыкала к Татьяне с каждым днём всё сильнее, а он продолжал искать другого человека, хотя сам не знал, зачем менять то, что наконец начало получаться. Сотрудница пришла к нему работать в офис, и предлагать ей вместо этого постоянную заботу о ребёнке после

одной недели знакомства казалось поспешным, особенно когда согласие на временную помощь далось ей так легко.

В пятницу новая кандидатка всё-таки приехала, и Алёнка весь разговор просидела возле отца, отвечая только на прямые вопросы. Женщина была приятной, спокойной, умела заинтересовать разговором, но дочь отказалась показывать ей комнату и спросила, скоро ли вернётся Таня, которую Алексей отпустил пообедать. После встречи он позвонил в агентство и попросил пока отложить следующие знакомства, потому что заказывать ещё одну анкету уже не видел смысла.

Возможность остаться на выходные он обсудил с Татьяной, пока Алёнка была занята в саду с домработницей. Объяснил просьбу дочери, предложил оплатить дополнительное время и сразу предупредил, что речь идёт о субботе с ночёвкой до воскресенья. Сам собирался быть дома и не планировал передавать ей ребёнка на все выходные, но Алёнке очень хотелось, чтобы утро тоже началось с Тани.

— Могу остаться, — согласилась она. — Мне только нужно домой съездить за вещами и маме сказать. Я ведь сейчас у неё живу, она будет ждать меня вечером.

— Съездите сегодня, водитель отвезёт. И, Татьяна, если у вас были планы, вы можете мне об этом сказать. Я объясню дочери, что так не получится.

Она заверила, что планов нет, и спросила, в какой комнате сможет устроиться. Алексей показал гостевую неподалёку от детской, впервые пожалев, что сам предложил ей ночёвку, потому что теперь начал думать о том, как она будет спать через две двери от него. Пока Татьяна осматривала комнату и уточняла, где взять полотенце, он напомнил себе, для чего она здесь находится, и вышел, сославшись на звонок.

В субботу Алёнка с утра распределила, кто чем займётся при строительстве домика, и Алексей обнаружил, что ему досталась самая ответственная работа. Пришлось помогать с картонными стенами, пока Татьяна вырезала окна, а дочь решала, какие жильцы поместятся внутри. Половину фигурок пришлось отселить, потому что дом получался тесным, и за обедом Алёнка уже планировала второй этаж, на который отцу предстояло найти ещё одну коробку.

Татьяна смеялась над её распоряжениями, спорила о размерах лестницы и однажды назвала Алексея Николаевича главным специалистом по крышам, когда он снова взялся перделывать крепление. Ему было хорошо с ними, и он несколько раз замечал, что ищет её участия даже там, где вполне мог обойтись сам. Хотелось спросить мнение, поймать улыбку и услышать в ответ что-нибудь, не связанное с рабочими звонками.

Он любил проводить выходные с дочерью и раньше, но теперь в них появилась женщина, возле которой постепенно переставал помнить, что её присутствие оплачено. К вечеру захотелось предложить вместе посмотреть фильм, а потом задержать за разговором, когда Алёнка уснёт. Алексей отказался от этой затеи и после ужина ушёл в кабинет, оставив их выбирать книгу, потому что весь день и без того позволял себе слишком многое.

В кабинете на полке стояла фотография жены с маленькой Алёнкой, и он задержался возле неё, вспомнив, как снимал их в саду. Дочь тогда никак не хотела смотреть в камеру, жена смеялась и просила перестать командовать, а ему нравилось, что они обе его не слушаются. Алексей помнил тот день до мелочей, и теперь было мучительно неловко оттого, что ещё минуту назад он представлял, как останется с другой женщиной наедине.

Он вернулся к работе, а позже сам пожелал Алёнке спокойной ночи и поблагодарил Татьяну за день. Она собиралась почтить в гостевой, выглядела уставшей и всё равно улыбнулась, когда из детской снова донеслась просьба проверить, не съехала ли крыша у домика. Алексей отправил её отдыхать, пообещав лично удостовериться, что крыша до утра продержится, и вернулся к дочери.

Ночью он проснулся от её голоса и пошёл в детскую, но Татьяна уже была там. Алёнка сидела в кровати и крепко обнимала Татьяну, пока та объясняла, что никуда не уехала, просто

спала в соседней комнате. Алексей остановился у двери, чтобы не мешать, и услышал, как дочь просит ещё немного посидеть с ней, а потом сам вошёл и поправил сползшее одеяло.

— Пап, тётя Таня завтра не уедет сразу? — спросила Алёнка, устраиваясь обратно на подушке. — У нас дом ещё не готов, а она обещала шторы сделать.

— Завтра доделаете, я помню, — ответил он. — Сейчас спи, милая, уже ночь. Татьяне тоже нужно отдохнуть, вы же с ней целый день трудились.

Она согласилась, но руку освободила только спустя несколько минут, когда начала засыпать. Алексей проводил Татьяну в коридор и хотел извиниться за беспокойство, однако та спросила, часто ли дочь просыпается. Пришлось признаться, что бывает по-разному и иногда Алёнке достаточно увидеть его, чтобы снова уснуть, а иногда он остаётся до утра.

— Если она вас зовёт, будите меня, — попросил он. — Не нужно брать всё на себя. Вы и так сегодня очень помогли.

— Сейчас она позвала меня, — ответила Татьяна. — Алексей Николаевич, всё хорошо, я успокоила её и тоже пойду спать. Если понадобится ваша помощь, обязательно скажу.

Ему хотелось коснуться её плеча, поблагодарить как-то иначе, чем очередной деловой фразой, и он удержался, вспомнив, что она его сотрудница. Пожелал спокойной ночи и ушёл к себе, но заснул не скоро, прислушиваясь к дому. Впервые за несколько дней тревожиться приходилось ещё и из-за того, что ему нравилось знать о её присутствии рядом.

В воскресенье Татьяна уехала после ужина, закончив с Алёнкой домик и пообещав приехать утром. Дочь проводила её до машины, а потом вернулась к отцу и попросила завтра тоже вернуться пораньше. Алексей согласился и сам уложил её, решив, что обошлось без привычных уговоров и можно спокойно подготовиться к новой неделе.

Через несколько часов Алёнка проснулась, стала звать Таню и заплакала, когда он напомнил, что та уехала домой. Она помнила, где спала тётя Таня, просилась проверить гостевую и не хотела верить, что теперь придётся ждать до утра. Алексей взял её на руки, принёс к себе и долго лежал рядом, объясняя, что утром они обязательно увидятся, но дочь всё равно всхлипывала и спрашивала, почему нельзя остаться у них жить.

К утру он уже решил поговорить с Татьяной, хотя ночью несколько раз успел передумать. Ему хотелось сохранить для Алёнки человека, с которым она чувствовала себя хорошо, и больше не устраивать знакомства, заканчивавшиеся слезами. А ещё нужно было честно признать, что возвращаться вечером к Татьяне ему тоже нравилось, и разобраться с этим предстояло самому, не заставляя дочь снова привыкать к кому-то другому.

Они поговорили после завтрака, когда Алёнка ушла в детскую выбирать книгу. Татьяна спросила, как прошла ночь, и он рассказал, не скрывая ни слёз, ни требования проверить гостевую. Она слушала с таким огорчением, что Алексей поспешил перейти к предложению, пока не получилось, что он упрекает её за отъезд.

— Я хочу предложить вам постоянную работу, — сказал он. — Няней Алёнки, с проживанием здесь. Если вы согласны, поиски я прекращу. Дочь к вам привязалась, и мне нравится, как вы с ней общаетесь.

— С проживанием? — переспросила она. — Алексей Николаевич, я правильно понимаю, что возвращаться в офис уже не нужно будет вообще? Вы уверены, что не хотите всё-таки найти человека с соответствующим опытом?

— За эту неделю я видел, как вы справляетесь, — ответил он. — Меня устраивает, как проходит день дочери. Условия, конечно, будут другими, сто восемьдесят тысяч в месяц. Комната та же, питание и поездки за мой счёт.

Татьяна удивилась сумме и даже уточнила, не ослышалась ли, а Алексей подумал, что нужно было сразу объяснить разницу. Пятьдесят тысяч в приёмной, девяносто за дневную работу с дочерью и теперь вдвое больше за проживание выглядели для неё, вероятно, слишком

щедрым предложением. Ему же наконец удалось подобрать няню, после которой ребёнка не приходилось успокаивать весь вечер, и экономить на этом он не собирался.

— Вы будете проводить с ней почти всё время, включая вечера, — пояснил он. — Ночью, как сами видели, тоже бывает нужна помощь. Это совсем другая занятость, поэтому и оплата выше. Свободные дни оговорим заранее, мне важно, чтобы вы могли отдыхать.

— А днём у неё занятия бывают? — спросила она. — Я имею в виду, нужно ли куда-нибудь возить или всё здесь? Хочу понять, как будет выглядеть обычная неделя.

— Сейчас лето, куда возить не нужно. Осенью она пойдёт в первый класс, но учиться будет индивидуально, учителя станут приходить сюда. В это время сможете заниматься своими делами. До сентября расписание ещё обсудим, пока главное, чтобы она спокойно проводила день.

Он рассказал об остальных условиях, упомянул, что готов оставаться с дочерью, когда Татьяне понадобится отлучиться, и предложил подумать до вечера. Она посмотрела в сторону детской, откуда уже доносился вопрос, скоро ли они закончат разговаривать, и улыбнулась. Алексей ждал ответа с нетерпением, которое всё труднее было скрывать за обсуждением работы.

— Я согласна, — сказала Татьяна. — Мне нужно будет съездить к маме и собрать вещи. Если можно, завтра после обеда, когда вы вернётесь, а сегодня я останусь, раз Алёнке так спокойнее.

Он подтвердил, что так удобно, и спросил, не нужна ли помощь с переездом. Татьяна ответила, что вещей немного, а потом пошла к девочке, которая уже не собиралась ждать и звала обоих посмотреть выбранную книгу. Алексей последовал за ней, ещё не решив, как сообщить Алёнке новость, но дочь избавила его от этой необходимости, едва он вошёл.

— Тётя Таня теперь у нас живёт? — спросила она, заметив, что та снова отложила сумку. — Правда, пап? И завтра тоже останется?

— Да, милая, мы договорились, — ответил он, и Алёнка обняла Татьяну с такой радостью, что Алексей невольно улыбнулся. — Она будет жить у нас и помогать мне о тебе заботиться. Только давай дадим ей сначала устроиться, а то ты уже все книги принесла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.